

проживает собственную временную реальность. Это подтверждает философскую концепцию Бергсона о времени как «длительности», т.е. непрерывном потоке качественных состояний сознания. Внутреннее время Доктора показано как тяжелое бремя: «Вот только его еще и тяготило бремя воспоминания, которое становилось все мрачнее, заслоняя тенью дорогу впереди» [2, с. 81]. Прошлое для него не уходит, а продолжает существовать в настоящем: «Когда живешь в машине времени, прошлое никуда не уходит и не остается позади, как ни мчись прочь, – оно всегда поджидаст за дверью» [2, с. 44].

Ключевым откровением работы является утверждение о том, что в художественном мире «Доктора Кто» время выступает не только физической, но и этической категорией. Моральный выбор, коллективная ответственность и способность к состраданию показаны как силы, способные буквально переписать временной континуум. Решение Докторов спасти Галлифрей, изменив при этом собственное прошлое, – это акт, в котором этический императив преобладает над темпоральными законами: «Мы делаем это не с радостью или торжеством, но во имя множества жизней, которые не можем спасти» [2, с. 281].

Разрешение предопределенного парадокса в finale эпизода доказывает, что парадоксальность является не аномалией, а фундаментальным законом и структурным принципом нелинейного времени. Это наглядно демонстрирует сцена взаимодействия Докторов, когда они не могут запомнить детали встречи из-за «избирательной амнезии»: «Наша линия времени в этой комнате завязана в узел, и в памяти у нас сплошной бардак. Ты и сам знаешь, как это работает. Избирательная амнезия. Встречаясь сам себя – забываешь все, пока встреча не произойдет снова» [2, с.160]. Парадокс становится нормой, а не исключением.

Заключение. Таким образом, книга «Доктор Кто. День Доктора» предлагает целостную и сложную художественную модель времени, синтезирующую современные научные идеи и философские интуиции. Эта модель утверждает время как многомерный, ценностно-насыщенный континуум, неразрывно связанный с сознанием, памятью и моральным выбором личности. Научная фантастика, как показало исследование, становится авангардной площадкой для рефлексии над сложнейшими темпоральными концепциями, делая их доступными для массовой аудитории.

1. Бочкова, О.С. Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Бочкова Ольга Сергеевна ; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 159 л.

2. Моффат, С. Доктор Кто. День Доктора: [роман] / С. Моффат; пер. с англ. М. Шмидт. – Москва : Издательство АСТ, 2018. – 320 с.

3. Пилипенко, Е.А. Время в философии М. Хайдегера: субъективизация объективного / Е.А. Пилипенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии / гл. ред. С. Б. Токарева ; учред. Волгоградский государственный университет. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2015. – № 2(28). – С. 19–24.

ПРОБЛЕМА СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ В ТРИЛОГИИ И. МЕЛЕЖА «ЛЮДЗІ НА БАЛОЦЕ»

Гвоздёва С.Д.,

студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова. Женские образы, жанр, стиль, семейные ценности, роман.

Keywords. Female images, genre, style, family values, novel.

Трилогия Ивана Мележа «Людзі на балоце» является ярким примером белорусской литературы, в которой глубоко исследуются проблемы человеческих отношений и, в частности, семейного счастья, при этом большое внимание уделяется описанию красоты природы. Как отмечается в одном из исследований, «*I. Мележ не мог не ўзгадаць у трэлогіі «Палеская хроніка» пра роднае Палессе, раку, якая здаўна мела вялікае значэнне для палешукоў, пісьменнік малаяўніча апісваў яе мясціны, любуючыся яе прыгажосцю...*» [1, с. 121]. В этом произведении особое внимание уделяется женским образам, которые играют ключевую роль в формировании семейных ценностей и поиске

счастья. Женщины в трилогии Мележа не просто второстепенные персонажи; они становятся хранительницами традиций, «эмоциональными центрами» семей и активными участниками социальных изменений. Актуальность исследования темы семейного счастья в трилогии Ивана Мележа «Людзі на балоце» заключается в том, что женские образы подчеркивают значимость традиционных ценностей в современных условиях. Эти персонажи иллюстрируют, как любовь и забота способствуют созданию крепкой семьи, вдохновляя читателей осознать роль женщин как хранительниц семейных традиций. Анализ эмоциональных аспектов отношений героинь позволяет глубже понять динамику семейного счастья, что делает тему важной для литературы, психологии и социологии. Цель статьи – выявить роль женщин в формировании и сохранении семейных уз и их влияние на атмосферу счастья в семье, подчеркивая важность их вклада в гармоничные отношения в условиях современной реальности.

Материал и методы. Для изучения был выбран роман И. Мележа «Людзі на балоце». В процессе анализа применялся метод наблюдения. Учитывался исторический метод исследования.

Результаты и их обсуждение. В романе Ивана Мележа «Людзі на балоце» женские образы занимают центральное место в исследовании жизни белорусского крестьянства в послевоенный период. Произведение насыщено глубокими описаниями женских судеб, эмоциональных переживаний и нравственных испытаний, что позволяет поднять важные вопросы о верности, любви и духовной силе. Все женские образы романа можно условно разделить на две группы: старшее поколение, к которому относятся матери (такие, как мать Василя, мачеха Ганны и другие), и младшее поколение, в которое входят Ганна и Хадоська.

Старшее поколение в романе представлено фигурами, олицетворяющими традиционные ценности и моральные устои. Эти персонажи, как правило, сталкиваются с тяжелыми испытаниями, которые формируют их характер и жизненные позиции. Их судьбы отражают не только личные трагедии, но и коллективные страдания народа, что подчеркивает связь между индивидуальным и социальным опытом. Вот как Мележ показывает переживания матери Василя: «...маці, якая асцярожна сядзела ў скрай услончыка, не зводзячы добрых вачэй з яго, хапаючыся, узнілася, стала ў замяшанні. Так і стаяла маўклівая, і толькі вочы, насцярожсаныя, чулкі, павільгатнельня, поўныя вялікага шкадавання, казалі, што робіца ў яе душы» [2, с. 121]. Этот образ матери не только иллюстрирует ее глубокие внутренние переживания, но и символизирует страдания всего поколения, которое прошло через трудности сурового времени. В то же время такие образы помогают читателю ощутить всю тяжесть утрат и надежд, которые несут в себе женщины этого поколения.

В контексте анализа образа мачехи Ганны можно утверждать, что она представляет собой своего рода антипод матери Василия. Если мать Василия проявляет постоянную заботу, искреннюю тревогу и тщательно подбирает слова, чтобы поддержать своего сына в трудные моменты, то в отношениях мачехи с Ганной ситуация выглядит значительно более сложной и неоднозначной: «Думала яна марудна і была заядлая, упартая, так што, калі што ўбівалася у галаву яе, выходзіла адтуль не хутка» [2, с. 92]. Мы наблюдаем, что взаимодействие между ними не характеризуется теплотой и взаимопониманием: «Мачыха абурана паглядзела на Ганну...» [2, с. 95]. Вместо поддержки со стороны мачехи Ганны отсутствуют ласковые взгляды и ободряющие слова; напротив, они заменяются болезненными укорами и критикой: «Загубіць захацела ўсіх! Калі сваёй галавы не шкода, то падумала б хоць пра бацькаву! Пра Хведзьку падумала б!» [2, с. 62]. Это создает атмосферу эмоционального напряжения и подчеркивает глубокую пропасть в их отношениях, что, в свою очередь, влияет на формирование личности Ганны и ее внутренний мир.

В романе Ивана Мележа «Людзі на балоце» младшее поколение, представленное персонажами Ганной и Хадоськой, символизирует надежду на будущее и возможность изменений в социальной структуре. Эти образы можно рассматривать как антиподы, каждый из которых воплощает различные аспекты человеческого существования и

стремлений. Ганна, характеризуемая как «огонь», олицетворяет страсть, стремление к самовыражению и активную жизненную позицию: «Гарачая, нястрыманая, небяспечная яна, ганарліўка Ганна!» [2, с. 39]. В то время как Хадоська, ассоциируемая с «водой», демонстрирует более спокойный, интуитивный подход к жизни, акцентируя внимание на внутренней гармонии и эмоциональной глубине: «Хадоська... Што – Хадоська? Вада – смаку ніякаго!..» [2, с. 101].

Ганна Чарнушка является одним из ключевых образов, который выступает ярким символом женственности, обладая глубокими человеческими чувствами и сильным характером: «Ведалі яны і тое, што Ганну не дай Бог увесці ў гнеў: тады яна ў момант страціць роўнасць сваю, забудзеца на ўсё, загарыца адным. Гарачая, нястрымная, небяспечная яна, ганарліўка Ганна!» [2, с. 39]. Героиня стремится сохранить семью и преодолеть многочисленные испытания, выпавшие на её долю. Её любовь к Василю Дятлику формируется и укрепляется на фоне тяжёлого крестьянского труда, нищеты и социального неравенства. Эта любовь подвергается испытаниям различными жизненными обстоятельствами, однако она становится не только источником радости и страдания, но и духовной силой.

Образ Хадоськи в романе – один из самых нежных и лирических женских персонажей, контрастирующих с огненной натурой главной героини Ганны. Если Ганна олицетворяет страсть, силу и активное стремление к переменам, то Хадоська, напротив, является символом спокойствия и внутренней гармонии: «... яна, добрая, ласкавая «канаплянка»...» [2, с. 89]. Её тихая, как вода, натура говорит о доверии людям, что делает её образ особенно трогательным.

Хадоська – деревенская девушка, близкая подруга Ганны, которая воспринимает окружающий мир с искренней эмоциональностью и наивностью: «У абедзюх на тварах, таксама мяккіх, светлабровых, быў адзін добры, лагодны выраз, толькі ў Хадоські быў ён больш ясны, чысцейшы» [2, с. 97]. Её доверчивость к людям, в частности к Евхиму, становится причиной глубоких страданий. Обман со стороны Евхима не только приносит ей несчастье, но и калечит жизнь. Однако, несмотря на пережитые испытания, Хадоська – это светлый образ на протяжении всего романа, который служит контрастом к более активной и страстной Ганне, подчеркивая разнообразие женских судеб и эмоциональных состояний в произведении Мележа.

Заключение. Роман Ивана Мележа «Людзі на балоце» представляет собой глубокое исследование женских судеб в контексте жизни белорусского крестьянства. Через образы матерей и молодых женщин автор не только показывает личные трагедии и испытания, но и отражает социальные изменения, происходящие в обществе. Старшее поколение, олицетворяющее традиционные ценности и моральные устои, сталкивается с тяжелыми испытаниями, которые формируют их характер и жизненные позиции. В то время как младшее поколение, представленное Ганной и Хадоськой, символизирует надежду на будущее и возможность изменений, воплощая в себе различные аспекты человеческого существования. Контраст между страстью и активностью Ганны и спокойствием Хадоськи подчеркивает разнообразие женских опытов и стремлений в условиях сложной социальной реальности. Эти образы не только дополняют друг друга, но и создают многослойное понимание женской судьбы, поднимая важные вопросы о любви, верности и духовной силе. В конечном счете, роман Мележа становится не просто историей о женщинах, но и отражением жизни целого поколения, стремящегося найти свое место в мире, преодолевая трудности и сохраняя надежду на светлое будущее.

1.Канцавая, М.У. Назва Прыпяць у навуковай и мастацкай літаратуры / М.У. Канцавая // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб.науч. статей : материалы междунар. науч. конференции, Витебск, 18 февраля 2016 г.. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – С. 247–250. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/7613>.

2.Мележ, І.П. Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі» / І.П. Мележ. – Минск : Маст. літ., 2008. – 446 с.